

— Мне бы букет ландышей, — Су Ю кончиком пальца задел трогательный стебелёк. Крошечные круглые бутоны походили на фарфоровые фонарики.

— С какими цветами скомпоновать? — спросил продавец с тяжелым южным акцентом.

Су Ю едва разобрал слова и неуверенно переспросил:

— А с чем обычно сочетают?

— Обычно берут с белыми розами или тюльпанами. Сейчас у молодёжи для предложений очень популярны ландыши, красиво же!

Говорил тот быстро, так что Су Ю уловил лишь «белые розы или тюльпаны» и «очень красиво».

«Белые розы — это слишком откровенный намёк», — подумал он и всё-таки остановил выбор на тюльпанах.

Продавец выудил несколько стеблей, ловко подрезал их, собрал аккуратную композицию и протянул Су Ю, не забыв дать наставление:

— Как придёшь, поставь в вазу и держи в прохладном, продуваемом месте, под прямым солнцем не оставляй. Успешного тебе предложения, парень! Символика у ландышей загляденье — обретение счастья.

Су Ю снова ничего не понял, лишь вежливо улыбнулся и расплатился.

— Спасибо.

Он сделал несколько снимков букета, с любовью разглядывал его по дороге и шёл обратно подпрыгивающей, воздушной походкой.

На душе было солнечно и светло.

Пока на пути не возникла Юй Цзяе.

Она подкатила к нему на розовом кабриолете, сдвинула солнцезащитные очки на лоб и окликнула:

— Ассистент Су, что это у тебя в руках?

Су Ю обомлел и поспешно подошёл ближе:

— Госпожа Юй, здравствуйте. Это цветы.

— Вижу, что цветы, я же не слепая.

Он смущённо улыбнулся:

— Ландыши и тюльпаны. Проходил мимо лавки, показались симпатичными, вот и купил.

— И правда очень миленькие. Но мне казалось, такие букеты обычно дарят девушкам?

— Да нет, что вы, это я просто так, для себя... Всё равно быстро завянут, постоят пару дней.

Юй Цзяе протянула руку. Су Ю помялся мгновение, но всё же передал букет.

Вообще-то девушка не питала особой страсти к флористике, но против этой белоснежной, трогательной девичьей нежности устоять не смогла.

— Продашь мне его? — спросила она.

— А? — Су Ю застыл.

— Ну продай! Ты же всё равно не собирался дарить его девушке. Я заплачу вдвойне, идёт? — Она лучезарно улыбнулась и, не дожидаясь ответа, уже достала телефон, чтобы перевести деньги. — Кстати, мне тут вспомнилось: у брата Линьчжоу на столе как раз стоит горшок с ландышами. Какое совпадение!

У Су Ю всё внутри оборвалось.

«Какое уж тут совпадение...»

Он ведь помнил об этом. Помнил каждой клеточкой.

Радужное настроение мгновенно потускнело, будто из шарика в его груди разом выпустили весь воздух, и он сдулся, беспомощно упав на землю. Су Ю сам не понимал, зачем вообще полетел покупать эти цветы.

Чтобы подарить Фу Линьчжоу? Но под каким предлогом?

Какое у него право дарить цветы Фу Линьчжоу, когда рядом есть Юй Цзяе?

Как глупо.

Под давлением этой сияющей, подавляющей улыбки он окончательно сник и протянул букет:

— Госпожа Юй, не нужно переводить деньги. Считайте это подарком от меня.

— Правда? Спасибо тебе!

Юй Цзяе бережно уложила цветы на пассажирское сиденье и обернулась:

— Ассистент Су, ты собираешься вечером на фестиваль у причала? Если хочешь, я попрошу водителя тебя отвезти. У меня там знакомые, устроят в первый ряд.

Су Ю мягко улыбнулся:

— Спасибо, не стоит.

— Ну ладно. Ты в отель? Подбросить?

— Нет-нет, тут пару шагов пройти. Поезжайте, а то на улице жарко.

Девушка с улыбкой помахала ему рукой:

— Пока-пока!

— До свидания, госпожа Юй, — вежливо попрощался он.

Проводив взглядом уезжающий кабриолет, Су Ю взглянул на экран телефона. Десять минут двенадцатого — самое время для послеобеденного сна Сюй Чуяня, тот точно не возьмёт трубку.

Су Ю лишь пинал пёстрые галыши у дороги, удручённо бормоча себе под нос:

— Мне что-то совсем не весело, Фу Линьчжоу... Мне так грустно. Приди сегодня в мой сон, очень тебя прошу.

На пальцах ещё теплился тонкий аромат ландышей. Су Ю вздохнул.

«Наверное, так даже лучше. Чем счастливее Фу Линьчжоу в реальности, тем резче граница между явью и сном. Тем меньше у меня причин испытывать стыд за свои грёзы. Я ведь правда хочу, чтобы он был счастлив».

Вернувшись в отель, он сначала не нашёл Фу Линьчжоу, но, обернувшись, заметил Юй Цзяе — она со счастливым видом несла букет в сторону вчерашнего конференц-зала. Су Ю бесшумно свернул за ней.

Фу Линьчжоу сидел внутри в окружении президента Вана, президента Сюя и ещё нескольких директоров.

— Брат Линьчжоу! Дядюшка! Вы здесь! — звонко нарушила тишину Юй Цзяе.

До этого Фу Линьчжоу с усталым видом откидывался на спинку кресла, безотчётно постукивая подушечками пальцев по стеклянной столешнице, и на появление девушки никак не отреагировал. Ровно до тех пор, пока перед ним не возникли ландыши.

Су Ю своими глазами видел, как мгновенно переменялся Фу Линьчжоу.

Холодное равнодушие испарилось, уступив место нескрываемому изумлению и искренней радости.

— Ландыши? — Он принял букет, с вниманием разглядывая бутоны.

Юй Цзяе тут же под села ближе.

Старшие сочувственно и благодушно заулыбались.

Боясь увидеть в глазах Фу Линьчжоу нежность, Су Ю резко развернулся. У него не хватило духу смотреть дальше.

Он внушал себе, что всё в порядке, пока шёл обратно, всю дорогу успокаивал себя, но кончик носа всё равно предательски зажгло от подступающих слёз.

Шмыгнув носом, он взбежал к себе в номер, сбросил пиджак с туфлями и с головой залез под одеяло.

К полудню от Фу Линьчжоу так ничего и не пришло.

Су Ю дважды перечитал переписку, замирая на фразе: «Ты позавтракал?»

Он прекрасно понимал, что в этих сухих словах нет ни капли чувства, но на душе всё равно царила беспросветная тоска.

Фу Линьчжоу, скорее всего, наслаждался обществом Юй Цзяе, ему явно было не до какого-то ассистента. Су Ю знал, что может спуститься в ресторан на шведский стол — достаточно связаться с секретарём, госпожой Чэнь, но аппетита не было вовсе.

Он просто тихо лежал.

Фу Линьчжоу любил ландыши, но Су Ю покупал их без задней мысли подольститься. Ему просто захотелось порадовать человека. Нахлынул порыв — и он пошёл в лавку. А в итоге подарок перехватили.

Даже на такую малую радость у него не оказалось прав.

Точно так же, как в детстве у него не было права получать красные конверты на Новый год, наклеивать парные надписи на двери, съедать самую нежную рыбу с брюшка или выбрать институт по душе.

Когда приходило время подавать документы после экзаменов, он легко проходил в Шанхай, но, подчиняясь требованию Лю Цинь опекать Се Цзяньчу, растратил свои баллы впустую и остался в Нинцзянском университете информационных технологий.

За всю свою жизнь он толком ничего не получил. Короткие вспышки счастья всегда сменялись обманом или грабежом.

Раньше это казалось привычным делом. Но с тех пор, как в его жизни появились сладкие сны с участием Фу Линьчжоу, эта привычка обернулась жгучей обидой.

Он задвинул плотные шторы, свернулся калачиком под одеялом и попытался уснуть. Но вопреки желаниям ворочался с боку на бок, сон не шёл, всё валилось из рук, и в конце концов Су Ю сел на кровати со слезами на глазах.

Он не сдержался и набрал номер Сюй Чуяня.

— Ты жить надоел?! — зарычал тот в трубку, но, услышав всхлипывания, осекся и сменил тон на раздражённо-обеспокоенный: — Что стряслось?

Су Ю глотал слёзы:

— Чуянь... Меня хоть кто-нибудь будет любить? Чуянь, скажи, меня будет кто-нибудь любить?

Сюй Чуянь помедлил и тихо ответил:

— Будет. Обязательно будет.

— Мне нравится мой босс... Я влюбился в него с первого взгляда, ещё на первом курсе... Но у него столько денег! Он такой красивый, у него есть невеста, и он вообще гетеросексуал... — Су Ю задышался от плача. — Я знаю, что сошёл с ума, знаю, что не должен питать никаких иллюзий! Но стоит ему проявлять ко мне хоть каплю нежности, пусть даже случайной, как я жду в десять раз больше... И влюбляюсь ещё сильнее.

— Я понимаю.

— Сегодня я купил букет... А его невеста забрала цветы и подарила ему! Я видел, как он обрадовался! Но ведь это я их выбирал! Это я платил! — сбивчиво, захлёбываясь от горькой несправедливости, выплескивал он.

— И чего ты теперь слёзы льёшь? Надо было сразу послать её и не отдавать!

— Я не мог... — поджал губы Су Ю.

— Трус! — разразился Сюй Чуянь, отчаиваясь от его мягкотелости.

— Но она же его невеста. Только госпожа Юй имеет право дарить ему цветы...

— Су Ю...

— Чуянь, мне снится сон. В этом сне мы вместе, и он меня очень любит. Этот сон снится мне каждую ночь... — прошептал он.

— Хватит витать в облаках, глупыш. Когда проснешься, разве не станет ещё больше?

Су Ю ронял слезы на простыню:

— Станет.

— В этом сне есть хоть какой-то смысл?

— Нет...

— Фиксируй убытки, Су Ю. Вы из разных миров. В конце концов пострадаешь только ты сам.

— Даже во сне нельзя?

— Нельзя, — твёрдо отрезал Сюй Чуянь.

Спустя пару секунд Су Ю громко, в голос зарыдал.

Сюй Чуянь чуть не оглох, поспешно отстранил телефон от уха, а затем, потирая переносицу, мягче добавил:

— Поплачь сейчас, перетерпи. Если не обрубешь всё сейчас, плакать придётся всю жизнь.

Су Ю, всхлипывая, пробормотал «хорошо»:

— Но... но сны ведь не получается контролировать. Что мне делать?

— Выпей вина, приняв мелатонин. Или вымотай себя спортом... Я не знаю! Способ найдётся. Вернёшься — попробуем всё по очереди, проверим, что сработает.

— Ладно... — Су Ю вытер слезы тыльной стороной ладони, но они хлынули с новой силой.

Лишь к трём часам дня он почувствовал голод.

Ресторан в этот час был закрыт. Су Ю пришлось достать из рюкзака пару пакетиков галет с логотипом авиакомпании и кое-как проглотить их, запивая кипятком.

Около шести вечера о нём наконец вспомнил Фу Линьчжоу.

— Всё ещё гуляешь?

Услышав этот голос, Су Ю почувствовал, как едва утихшая обида снова подступает к горлу:

— Нет, я у себя в номере.

— И даже не выходил?

Су Ю хотел сказать «нет», но это прозвучало бы слишком похоже на капризную жалобу, поэтому он соврал:

— Выходил. Только что вернулся.

— Поужинаем вместе?

— Не стоит, я... я уже поел на шведском столе.

— Понятно.

Фу Линьчжоу положил трубку. Су Ю полежал еще немного и, когда в животе окончательно заурчало от тоски, нехотя поднялся, оделся и спустился в ресторан.

Он предъявил карту от номера, и персонал вежливо пропустил его внутрь.

Он был голоден, но совершенно не понимал, чего хочет.

Кушанья, которые обычно казались аппетитными, сейчас выглядели тяжёлыми и жирными. Су Ю взял только пиалу с горячим рисом по-кантонски, хотел налить куриного бульона, но возле супниц толпился народ, и он решил ограничиться лимонным чаем.

Подставив стакан под дозатор диспенсера, он нажал кнопку. Напиток потек струей, а Су Ю, погружённый в горькие мысли, застыл, не замечая, что чай уже льётся через край.

Пока чья-то рука, появившаяся из-за его спины, не нажала на отмену.

Су Ю замер и, повернув голову, столкнулся взглядом с Фу Линьчжоу.

Тот посмотрел на пиалу с рисом в его руках и чуть приподнял бровь:

— Второй заход?

Су Ю поднял на него глаза.

В дрожащих ресницах застыли слезы, в которых читалась невысказанная, глубокая печаль.

Фу Линьчжоу аккуратно забрал стакан с чаем, поставил его на поднос Су Ю и с тихим вздохом спросил:

— Кто тебя обидел?